

ЗНАКОМЬТЕСЬ, **новый директор Национального медицинского исследовательского центра здоровья детей профессор Андрей Петрович ФИСЕНКО**

И.Н. Захарова, главный редактор,
профессор

Уважаемые коллеги, в апреле 2018 г. коллектив Национального медицинского исследовательского центра здоровья детей на Ломоносовском проспекте возглавил профессор Андрей Петрович Фисенко. Мы хотим познакомить вас с этим интересным человеком, который, имея бесценный опыт в педиатрической практике, готов делиться своими знаниями, умениями и перспективными идеями. Чтобы подробнее узнать о том, какие жизненные ценности способствовали становлению мужественного характера Андрея Петровича и каковы его ближайшие планы в инновационном развитии клиники в роли исполнительного директора, мы обратились к нему с просьбой дать интервью.

– Андрей Петрович, все мы родом из детства. Каким было Ваше детство, какие основы заложили родители?

– Родился в Москве, в доме Минобороны на Смоленской набережной. Мама, Константинова Нина Петровна, всегда много работала. Она – врач от Бога, профессор кафедры лор-болезней в Московском медицинском институте им. И.М Сеченова. В тяжелые годы блокады училась в Ленинградском медицинском институте им. И.П. Павлова.

Папа, Фисенко Петр Игнатьевич, генерал-майор авиации. Инспектировал опасные зоны СССР.

Мне было 7 лет, когда папа ушел из жизни. Дед по маминной линии, Петр Андреевич, в Первую мировую служил военным врачом, был награжден георгиевским серебряным оружием. Служивцы называли его человеком отчаянной храбрости.

Меня воспитывал старший брат. Он на 11 лет старше, брал меня с собой в компанию, мы играли в футбол, хоккей, раньше же не было компьютеров, учил драться. Воспитание получал от старшего брата, а потом еще от отчима. Мама вышла замуж, когда мне было 14. Он привнес мужское воспитание, заложил основы о том, что нельзя жить в праздности, нужно заниматься тем, что доставляет удовольствие, но если есть ответственность перед другими людьми, ты должен делать то, что удовольствия не доставляет, делать то, что позволяет существовать семье. Отчим был инженер-экономист, занимался разработкой двигателей для танков Т-34 в г. Горьком, потом закончил Академию внешней торговли, работал

А.П. Фисенко, д.м.н., профессор

первым торгпредом в Германии. Он привил мне многие навыки, я до сих пор могу перебрать карбюратор «Волги» ГАЗ-21, отрегулировать головку блока цилиндров, он показывал, как нужно крутить гайки, пока не получится.

Яркие воспоминания детства – это встречи родителей с друзьями, с нами играли взрослые, мы играли в индейцев, какие-то навыки приобретали: как построить шалаш, как развести костер, как выжить в тех или иных условиях.

Мама с отчимом дружили с режиссером Андреем Александровичем Гончаровым и его женой. Часто собирались за одним столом. Каждую неделю ходили в театр, я знал весь репертуар театра Маяковского, часто посещали Большой театр.

Помню восторженное чувство единения от демонстрации 7 ноября, мне было 10 лет, когда я первый раз пошел с мамой и братом на Красную площадь и махал флажком стоявшим на трибунах первым лицам государства. Мы шли в колонне Первого Медицинского института с коллегами мамы.

Патриотическому воспитанию в моем детстве уделялось значительное внимание, что воспитало любовь к Родине, истинную, настоящую, никто не сомневался, что за Родину можно и нужно отдать жизнь, что нужно честно работать. Патриотическое воспитание прививалось и в семье, и в школе. Наши учителя старались до нас донести – сначала Родина, потом – семья, а потом – ты. Из школьных учителей с благодарностью вспоминаю учительницу начальных классов Валентину Николаевну Ильину, классного руководителя Маргариту Николаевну

Кузьмину, учителя английского языка Марию Дмитриевну Кожевникову. На уроках мы читали Эрнеста Хемингуэя, Джерома Сэлинджера, Скотта Фицджеральда, Уильяма Шекспира в подлиннике – из английской литературы, Теодора Драйзера – из американской. Эта любовь к иностранной литературе с тех пор сопровождает меня всю жизнь. В семье много все читали, выписывались журналы «Иностранная литература», «Новый мир», «Вокруг света», «Наука и жизнь», была богатая библиотека у родителей, она сохранилась до сих пор.

– *Что послужило толчком к выбору профессии врача?*

– Лет в 15 я прочитал книгу Кристиана Барнарда, и с этого времени я заболел медициной. Потом еще была книга «Коллеги» Аксенова, которая свою лепту в желание стать врачом тоже внесла. Она о становлении молодых врачей, приехавших работать в глубинку. Способность сострадать сподвигла и меня стать доктором. В педиатрии закончил ординатуру на кафедре академика Л.А. Исаевой, потом аспирантуру в Первом мединституте. Затем получил предложение перейти заведующим педиатрическим отделением ЦКБ, с 1989 г. там и работал, 29 лет.

Один из самых тяжелых периодов в моей практике – 1987–1989 гг. – время работы в Средней Азии. Впервые я побывал в Средней Азии в 1987 г. В марте-апреле 1987-го меня вызвали в партком и как члену партии дали задание сформировать 5–6 выездных бригад для работы в неблагополучных районах, где наиболее высокие цифры материнской и детской смертности.

Бригада тогда состояла из педиатра, акушера и 4 медицинских сестер или фельдшеров, чью роль выполняли выпускники 5-го курса медицинского вуза. Они должны были работать на врачебной практике, но работали в качестве фельдшеров. Было организовано 5 бригад, я возглавлял наш отряд Первого медицинского института. Кроме того, у меня была своя бригада, где я работал педиатром. Нас распределили в Узбекистан, в Ташкентскую область – город Алмалык, славный своей развитой химической промышленностью. Запах химических соединений на всю жизнь я запомнил именно с тех времен. Когда приехали, нас встретила несусветная жара, нам, врачам, лет по 30, мы кандидаты наук, преподаватели, известные, как нам казалось, люди, думали, сейчас мы покажем провинциалам, как надо работать. Но оказалось не так все просто. Хорошие больницы, вышколенный дисциплинированный персонал, хорошо подготовленные врачи, во многих практических вопросах лучше, чем мы, преподаватели, потому что разница между практикующим врачом и преподавателем, который считается специалистом во всех вопросах медицины, огромная. Те, кто занимается лечением только кишечных инфекций, – это асы своего дела, неважно, в какой стране они живут, в каком районе, в селе, в городе – подходы были одинаковые, на самом деле. Нас перед поездкой учили, как правильно лечить, что правильно вводить, как оценивать состояние ребенка, не имея в руках необходимых приборов, таких как ультразвуковой аппарат, эхокардиограф, рентгеновский томограф. Учили «звезды», занимавшиеся детскими инфекциями в Москве.

При применении этих знаний на месте стало очевидно, что все методики, которые нам вложили в голову и которые мы освоили, высокоэффективны и позволяли в течение полутора-двух суток перевести ребенка из критического состояния в состояние частичного выздоровления и либо выписать его домой, либо продолжить лечение в стационарных условиях в течение 1–2 дней.

Вместе с тем мы сталкивались с группой детей, на которых наше лечение не действовало и в течение одного-двух дней наступал летальный исход, несмотря на все предпринятые меры. Как потом оказалось, это те дети, которые пострадали от распыления дефолиантов над хлопковыми полями. Основная масса работающих в поле были женщины с детьми, которые брали с собой новорожденных детей и в перерывах от работы кормили грудью. А в это время их накрывало облако дефолиантов, которыми обрабатывались хлопковые поля. Таким образом, мой комиссар – акушер-гинеколог получил токсический гепатит и в течение года умер уже в Москве. Молодой, перспективный, талантливый акушер. Все остальные из врачебных бригад тоже остались живы.

На следующий год мы также поехали, но уже в другой район, более неблагоприятный, чем Алмалык. Алмалык, кстати, был красивый город, цивилизованный. А мы поехали дальше, в кишлаки под Бухарой, где были проблемы с водой, размещением. Единственное, не было проблем с лекарствами и техникой. В 1988 г. в наши бригады, кроме акушера-гинеколога и педиатра, входил еще инфекционист и также 3–4 фельдшера. Результаты были точно такие же: многих больных мы вылечили.

В те годы мы еще не знали об использовании дефолиантов и их распылении. Но мы наблюдали, как умирали беременные женщины, которые работали в полях, их также накрывало ядовитое облако. Я не могу сказать, что это было каждый раз, видимо, учитывалась роза ветров и строго соблюдалась техника безопасности. Но, условно говоря, один раз из десяти дефолианты попадали на людей. Работа продолжалась несколько месяцев. За этот период я познакомился со всеми светилами в области детских инфекционных заболеваний, с руководством Министерства здравоохранения СССР – с Вагановым Николаем Николаевичем, Барановым Александром Александровичем, работал с ними в тесном контакте.

В 1989 г. я перешел на работу в 4-е Главное управление Минздрава, оно являлось в те годы головным в отечественной медицине. Там работали наилучшие кадры, неважно, были ли это врачи, научные руководители, санитарки или медицинские сестры. Огромной честью для академиков, профессоров было привлечение их к работе 4-го управления. Все с удовольствием соглашались участвовать в работе этой организации. ЦКБ имела права и обязанности отраслевого научного центра, заведующий отделением должен был обязательно быть доктором наук, профессором. Оплата труда тоже шла в рамках головного научно-исследовательского центра. Были хорошие зарплаты, те, кто работал, получал отличный социальный пакет. Взамен, конечно, требовалось быть достаточно терпеливым, выслушивать нападки пациентов, объяснять по тысяче раз, как

правильно и что нужно им делать. Нас учила тогда академик Нисевич Нина Ивановна – терпите, не смейте повышать голос, не смейте резко отвечать. Оттуда, видимо, и пошло то выражение, что в 4-м управлении «полы паркетные, врачи анкетные». Мы все были терпеливые, все стояли со склоненной головой. Но я вам скажу, что всегда с огромным уважением относился к тем людям, которые получали у нас медицинскую помощь, потому что это была элита страны. Это люди, под руководством которых Советский Союз достиг невероятных успехов.

Я заведовал многопрофильным отделением, оно до сих пор работает в составе Центральной клинической больницы (ЦКБ). Основной упор был сделан на лечение заболеваний детей раннего возраста – с 5-го дня жизни и до 3 лет. Кроме того, в отделении находились специальные диагностические боксы, куда поступали дети с различными непонятными заболеваниями, и в рамках отделения проходил обширный диагностический поиск.

Был выделен этаж для детей старшего возраста, где находились пациенты с такими заболеваниями, как бронхиальная астма, хронические затяжные заболевания легких, воспалительные заболевания почек и тому подобное. Отделение было рассчитано на 35 коек, у нас работало 5 врачей, штат медицинских сестер и санитарок, педагог, выделялось 4,5 ставки дежурным врачам. Отделение работало, как часы. Никогда не имело никаких нареканий, давало очень высокие производственные показатели. В отделении за время моей работы защитились 8 кандидатов и два доктора медицинских наук. Эти работы имели широкий общественный резонанс. Автор диссертаций до сих пор цитируют, спустя 20–25 лет после их публикации.

– Кого можете назвать своими наставниками в Вашем становлении как педиатра?

– Придя на работу в ЦКБ молодым специалистом, я столкнулся с двумя трудностями: во-первых, я не был достаточно хорошо подготовлен для работы с детьми 5–10-го дня жизни, во-вторых, не совсем свободно ориентировался в гематологических заболеваниях, таких как лейкозы, лимфогранулематозы.

Профессор Фисенко А.П. с зав. кардиохирургическим отделением с интенсивной кардиологией, к.м.н. Рябцевым Д.В.

Профессор Фисенко А.П. в отделении реанимации и интенсивной терапии

Если по поводу детей первых дней жизни я прошел подготовку и обучение на кафедре, возглавляемой Володиным Николаем Николаевичем, в последующем – ректор Второго Медицинского института, заместитель министра здравоохранения, то гематологические аспекты педиатрии мне помогал изучать профессор, сейчас академик, Румянцев Александр Григорьевич, с кем у меня сохранились теплые товарищеские отношения и по сей день.

Вячеслав Александрович Таболин, к сожалению, давно умер, но он тоже сыграл огромную роль в моем становлении как педиатра, в моем отношении к детям, в выработке классических схем диагностики, лечения и профилактики тех или иных заболеваний.

Кроме того, мне довелось поработать с академиком Бадалянном, что тоже положительным образом сказалось на моей последующей работе, потому что педиатр без знаний основ неврологии – не педиатр.

За годы работы в ЦКБ через мои руки прошло порядка 30–40 тыс. детей, которых вылечили в нашем отделении, в т.ч. от тех заболеваний, которые тяжело поддавались лечению.

В прошлом году меня разыскал самый первый мой пациент, еще из клинической ординатуры, ему сейчас 50 лет, он дедушка. Он произнес слова признательности, вспомнил, как я с ним возился.

– Андрей Петрович, в апреле 2018 г. Вы перешли с должности заместителя главного врача педиатрии ЦКБ (после почти 30 лет работы) на работу в НМИЦ на Ломоносовском проспекте. Какие задачи развития центра Вы ставите на ближайшее будущее?

– Первый раз в институте педиатрии я побывал в 1984 г., будучи аспирантом, приезжал со своим шефом, академиком Л.И. Исаевой, поздравить Студеникина Митрофана Яковлевича с 60-летием. Огляделся, подумал – неплохо было бы здесь работать. Прошло 34 года, и я сюда вернулся в качестве исполняющего обязанности директора. Когда я получил приглашение работать в НМИЦ, ни секунды не сомневался! Я всегда говорю: «С детьми готов выполнять любую работу, хоть участковым педиатром».

НМИЦ – это блестящий коллектив, медицинский и научный. Наша команда – команда единомышленников, каждый – лучший в своей специальности, они умеют работать в команде и умеют увлечь за собой других людей.

Мне бы хотелось развить в центре, прежде всего, хирургическое направление. Мы сделаем все, чтобы здесь была нейрохирургическая помощь детям, причем это касается хирургического лечения эпилепсии. Я очень хочу, чтобы здесь была челюстно-лицевая хирургия. Я считаю – крайне необходимо развить глазную хирургию: коррекция близорукости и косоглазия, чтобы здесь использовались методики, которые существуют только в крупных офтальмологических центрах. Хотелось бы усилить те направления, которые уже есть, в частности, возродить институт академика С.Д. Носова по детским инфекциям, создать институт для лечения и диагностики различных редких заболеваний, неврологических заболеваний. Лидеры по этим направлениям у нас в команде есть, и они будут это все применять на деле.

Здесь трудятся единомышленники, выдающиеся врачи. Мой друг, соратник, доктор медицинских наук, профессор Игорь Витальевич Киргизов, который выполняет уникальные операции. Мало того, что он совершенен как техник, операционный техник, так он еще и обладатель легкой руки.

Возвращаясь к истории института педиатрии, хочу сказать, что для меня навсегда остался в памяти Митрофан Яковлевич Студеникин, который превратил институт в головной центр, звучащий по всей территории Советского Союза, – Институт педиатрии (в то время Академии медицинских наук). Это было сделано колоссальными усилиями. Здесь работали блестящие профессионалы: академики, члены-корреспонденты, хирурги, инфекционисты, неврологи. Они решали все медицинские задачи, которые требовались в нашей стране по тому или иному направлению.

Я считаю, что обязательно надо опираться на опыт и силы старшего поколения, они приносят колоссальную пользу и являются источником знаний для молодого поколения. Без старшего поколения нет достижений у современной молодежи.

В моем развитии огромную роль сыграл академик Таболин Вячеслав Александрович. Я до знакомства и совместной работы с ним не очень хорошо представлял себе особенности работы педиатра в роддоме. А Вячеслав Александрович был исключительным специалистом по детям самого раннего возраста. Под его влиянием я

Профессор Фисенко А.П. с зав. отд. реанимации и интенсивной терапии новорожденных и детей грудного возраста Наковкиным О.Н.

ушел на практику к одному из его учеников, сейчас это академик Володин Николай Николаевич, а тогда – молодой, блестящий профессор, и все необходимые навыки в работе, в диагностике и лечении детей с первого месяца до года, я приобрел у них. Пробовал работать тогда в роддоме, но скажу вам, это единственное место, где мне не хотелось работать, потому что педиатр там всегда на втором плане, а царит акушер.

Оглядываясь назад, понимаю, что мне повезло. Я, пожалуй, ничего бы не стал исправлять в своей жизни, если бы еще раз мне дали возможность прожить ее.

– В чем, на Ваш взгляд, секрет удачи?

– «Держай – и ты станешь тем, кем ты желаешь быть; а нет – оставайся среди слуг, недостойных коснуться пальцев Фортуны» (У. Шекспир). Лучше и не скажешь...

– Андрей Петрович, мы практически не говорили о том периоде Вашей жизни, когда Вы подчинялись напрямую первому лицу государства, лечили его семью, – довольно секретном периоде Вашей жизни. Прошло уже время, Вы можете немного рассказать об этом?

– Это было интересное время. Я подписал согласие на уголовную ответственность в случае неприятностей, которые могут преследовать здоровье президента. Это дисциплинировало, скажу вам честно. Я тогда научился работать без отпуска, без спиртного, без сигарет, без сна. Я всегда был в поиске новых методов лечения. Некоторые из них до сих пор официально не признаны, но они высокоэффективны. Каждый из нас носит исцеление внутри себя. В большинстве вещей нужна только гармонизация тебя в окружающем пространстве, и ты можешь сам себя исправить.

– Врач-педиатр, который дает советы родителям по формированию здорового образа жизни, по основам, которые закладываются в семье, имеет ли право на вредные привычки?

– Не буду заниматься ханжеством, может, и имеет. Просто, не стоит врачу-диетологу поучать, как питаться, если этот врач сам весит 140 кг. Не стоит врачу-педиатру говорить родителям, что не нужно при ребенке курить, если сам не выпускает сигареты из рук. Мы с вами знаем, что это самые простые способы расслабиться – алкоголь, курение. А расслабляться с помощью техник – это тяжелый труд. Я выбрал для себя путь техник, лет 20 не употребляю алкоголь и не курю, плаваю, занимаюсь спортом ежедневно, минут 40 в день.

– Вы бы хотели, чтобы медицинская династия, начатая Вашим дедом, Петром Андреевичем, продолжалась в семье?

– Она продолжается: моя дочь Даша учится на медицинском факультете. Меня это радует.

– Какой афоризм о медицине Вам близок?

– Отнесись к больному так, как бы ты хотел, чтобы отнеслись к тебе в час болезни. Прежде всего – не навреди!

**Беседовала главный редактор,
профессор Ирина Николаевна Захарова**